
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

ПАРСОНС Т. СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ. ГЛАВА 3. НЕКОТОРЫЕ ФАЗЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА В ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ. (Перевод с англ.)

PARSONS T. The structure of social action : a study in social theory with special reference to a group of recent European writers. – New York : The free press, 1949. – Ch. 3 : Some phases of the historical development of individualistic positivism in the theory of action. – P. 87–125.

Ключевые слова: социальное действие; социальный порядок; Гоббсова проблема; нормативный порядок; фактический порядок; утилитаризм.

Для цитирования: Парсонс Т. Структура социального действия. Глава 3. Некоторые фазы исторического развития индивидуалистического позитивизма в теории действия / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 2. – С. 154–178.

Перевод поступил: 15.01.2023.

Принят к публикации: 25.01.2023.

Keywords: social action; social order; Hobbesian problem; normative order; factual order; utilitarianism.

For citation: Parsons T. The structure of social action. Chapter 3. Some phases of the historical development of individualistic positivism in the theory of action. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologi-

ya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 2. – P. 154–178.

Received: 15.01.2023.

Accepted: 25.01.2023.

Христианская мысль в период Реформации была направлена на ревностную защиту сферы религиозной свободы индивида¹. Поскольку эта проблема обычно соединялась с дихотомией римского права, то проблему религиозной свободы все больше отождествляли с проблемой политического обязательства, так как единственным авторитетом, который мог угрожать этой сфере, было государство. С точки зрения протестантского христианства, общая тенденция мышления в этом вопросе была не в пользу государства, ибо последнее, в отличие от его статуса в языческой древности, было лишено христианством той неотъемлемой святости, которой оно ранее обладало. Оно могло располагать религиозным одобрением лишь постольку, поскольку вносило вклад в религиозные интересы индивидов или, по крайней мере, было совместимо с ними, ибо эти интересы составляли высшую цель христианского поведения.

В проблеме политического обязательства содержались, разумеется, как нормативные, так и объяснительные элементы. Центральная отправная точка христианства была нормативной и состояла в выведении следствий для поведения и претворения в жизнь христианских идеалов. В то же время, однако, это неизбежно ставило задачу познания эмпирических условий, в которых к

---

¹ Замечания, приведенные в прим. 1 на стр. 52 [оригинального издания], применимы также и к этому вводному очерку.

[Приведем это примечание: «Последующее рассмотрение возможных исторических влияний, под воздействием которых формировалась утилитарная теоретическая система, не есть результат систематического исследования. В основе изложения лежат некоторые общие представления о данном предмете. Более того, эта часть исследования не является столь уж необходимой, и ее можно опустить, не нарушая логической конструкции исследования. Она введена, чтобы дать читателю представление об эмпирической релевантности того, что в противном случае могло бы показаться рядом очень абстрактных положений». Цит. по: Парсонс Т. О структуре социального действия. – Москва : Академический проект, 2000. – С. 104]. – *Прим. пер.*

таким идеалам надлежит стремиться, и ограничений, которые эти условия на них накладывают. Особый способ, которым протестантское христианство расположило локус религиозных ценностей в индивиде, имел в этом отношении одно важное последствие. Аргументы, приводимые в пользу свободы от авторитета, становились преимущественно нормативными; даже сама возможность подлинно христианской жизни могла быть гарантирована только при свободе совести. Аргументация в пользу наложения ограничений на свободу индивида, напротив, становилась все больше эмпирической и фактической, подчеркивая непреложные условия человеческой жизни в обществе и многочисленные способы, которыми свобода, обретенная во имя религии, может быть извращена так, что это станет угрожать стабильности самого общества. Издавна в христианской мысли необходимость государства и его принуждающего авторитета объяснялась грехопадением и вытекавшей отсюда греховностью человека, требующей более непосредственно жесткого контроля, чем тот, который могли обеспечить духовные санкции религии. Постепенно греховный элемент человеческой природы был заключен в рамку понятия естественного закона, который понимался как набор непреложных потребностей, которые нельзя преодолеть никакой духовной властью, по крайней мере той, которая есть в распоряжении человека.

Таким образом, когда социальная мысль примерно в XVII в. стала секуляризироваться, центральной для нее стала проблема оснований порядка в обществе, выраженная в такой особой форме, как сфера индивидуальной свободы от авторитарного контроля в связи с принуждающим авторитетом государства. Обычно эта сфера обосновывалась и защищалась с помощью нормативных аргументов: сначала исходя из религиозных мотивов свободы совести, позже – в секуляризованной форме, предполагавшей *нормативный закон природы*, основным содержанием которого был набор абсолютных в этическом отношении естественных прав¹. В противовес

---

¹ Об этих двух понятиях закона природы (the law of nature) и связях между ними в мысли XVIII – начала XIX в. см. две статьи О.Х. Тейлора: *Taylor O.H. Economics and the idea of natural laws // Quarterly journal of economics. – 1929. – Vol. 44, N 1. – P. 1–39; Taylor O.H. Economics and the idea of jus naturale // Quarterly journal of economics. – 1930. – Vol. 44, N 2. – P. 205–241.* Ранняя история кон-

этому, доводы в пользу авторитета обычно заключали в себе попытку продемонстрировать непреложные необходимости жизни человека в компании с другими, прежде всего в форме греховного «естественного человека», преобразовавшегося при секуляризации в детерминистскую человеческую природу. Таким образом, мы видим тенденцию мыслить детерминистски, в терминах *условий* действия. Этой тенденции параллельна другая: XVII век был также периодом первой великой систематизации современной физики, это был век Ньютона. Отсюда возникла сильная тенденция к ассимиляции этих детерминистских законов человеческой природы – в логическом типе, а также отчасти в содержании – с текущими детерминистскими теориями физической природы, т.е. научным материализмом классической физики. Первым великим образцом этого типа детерминистского мышления в социальной области был Гоббс¹.

Гоббс и проблема порядка

Основа социального мышления Гоббса, с интересующей нас стороны, содержится в его знаменитом понятии естественного состояния как войны всех против всех. Гоббс почти совершенно лишен нормативного мышления. Он не задает никакого идеала того, каким поведение должно быть, а просто исследует элементарные условия социальной жизни. Человека, говорит он, направляет множество страстей. Благо – это просто то, чего каждый человек желает². К несчастью, есть очень жесткие ограничения на то, в ка-

---

цепции естественного закона в разных фазах христианской мысли и ее предпосылки в мысли поздней античности восхитительно рассмотрены у Трёльча: *Troeltsch E. The social teaching of the Christian churches : in 2 vols. – London : George Allen & Unwin Ltd. ; New York : The Macmillan company, 1931.*

¹ В этой главе не будет попыток обсудить всех авторов с точки зрения их общей значимости. Для обсуждения будет отобрано несколько конкретных теорий, удобных для освещения разных логических возможностей той общей системы мышления, которая нас здесь интересует. Во многих случаях так же хорошо для этой цели подошли бы и другие.

² *Hobbes T. The Leviathan / Everyman ed. – London : J.M. Dent & Sons ; New York : E.P. Dutton & co., 1909. – P. 24. (Рус. пер.: Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана ; вступ. ст. А. Филиппова. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – С. 78. Цитируется по русскому переводу).*

кой степени эти желания могут быть осуществлены, и эти ограничения, согласно Гоббсу, заключены прежде всего в природе отношений между людьми.

Человек не обделен рассудком. Но рассудок – по сути, слуга страстей, способность придумывать способы и средства для обеспечения того, чего он желает. Желания случайны; и «никакое общее правило насчет того, что есть добро и что зло, не может быть взято из природы самих объектов»¹. А так как страсти, являющиеся конечными целями действия, разнообразны, то, стало быть, нет ничего, что мешало бы преследованию их приводить к конфликту.

По мысли Гоббса, причина этой опасности конфликта заключена в той роли, которую играет власть. Поскольку все люди стремятся реализовать свои желания, то они непременно должны пытаться овладеть средствами для этой реализации. Власть, которой обладает человек, по словам Гоббса, есть просто «его наличные средства достигнуть некоего видимого блага в будущем»². Один из важных элементов власти – способность распоряжаться признанием и услугами других людей. Для Гоббса это важнейшее среди тех средств, которые, по сути, являются ограниченными. Следствием этого становится то, что от средств, которыми один человек в собственных целях распоряжается, другой с необходимостью оказывается отрезан. Поэтому власть как ближайшая цель неизбежно является источником раскола между людьми.

«Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или превосходит умом другого, однако если сосчитать все вместе, то окажется, что разница между человеком и человеком не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, на которое другой человек не мог бы претендовать с таким же правом. <...> Из этого равенства способностей возникает ра-

---

¹ *Hobbes T. The Leviathan / Everyman ed. – London : J.M. Dent & Sons ; New York : E.P. Dutton & co., 1909. – P. 24. (рус. пер.: там же. – С. 78).* В общей философии Гоббса присутствует склонность связывать страсти через механистическую психологию с материалистической основой, находимой в законах движения. Эта склонность не играет, однако, существенной роли в его анализе социального действия, и, следовательно, нам нет необходимости здесь ее рассматривать.

² *Ibid. – P. 43 (рус. пер.: там же. – С. 104).*

венство надежд на достижение своих целей. И вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. И на пути к достижению их цели <...> они стараются погубить или покорить друг друга»¹.

В отсутствие всякого сдерживающего контроля люди будут принимать для достижения этой ближайшей цели самые эффективные из доступных им средств. Этими средствами оказываются, в конечном счете, сила и обман². Отсюда ситуация, когда каждый человек является каждому другому врагом, стремящимся погубить или покорить его силой, обманом или и так и этак. Это не что иное, как состояние войны.

Но подобное состояние соответствует человеческим желаниям даже меньше, чем большинству из нас известно. Это, по знаменитому выражению Гоббса, состояние, в котором жизнь человека «одинока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна»³. Страх перед таким состоянием вещей приводит в действие – как слугу фундаментальнейшей из всех страстей, стремления к самосохранению, – как минимум толику разума, и он находит решение этой проблемы в общественном договоре. По его условиям, люди соглашаются отдать свою свободу суверенной власти, которая в свою очередь гарантирует им безопасность, т.е. защищенность от агрессии с помощью силы или обмана со стороны других. Только благодаря авторитету этого суверена война всех против всех удерживается под контролем, и поддерживаются порядок и безопасность.

Система социальной теории Гоббса являет нам почти чистый случай утилитаризма, согласно определению, данному в предыдущей главе. Основа социального действия содержится в «страстях». Это дискретные, случайным образом меняющиеся цели действия; «никакое общее правило насчет того, что есть добро и что зло, не может быть взято из природы самих объектов». Преследуя эти цели, люди действуют рационально, выбирая наиболее

---

¹ *Hobbes T. The Leviathan / Everyman ed. – London : J.M. Dent & Sons ; New York : E.P. Dutton & co., 1909. – P. 63 (рус. пер.: там же. – С. 132, 133).*

² *Ibid. – P. 66 (рус. пер.: там же. – С. 136. В цитируемом русском переводе fraud передается не как «обман», а как «коварство»). – Прим. пер.).*

³ *Ibid. – P. 65 (рус. пер.: там же. – С. 135).*

эффективные средства в рамках заданных ситуаций ограничений. Но это строго ограниченная рациональность; разум здесь просто «слуга страстей», его заботят только вопросы способов и средств.

Между тем Гоббс не просто определил с необычайной точностью основные элементы утилитарной системы действия, а пошел гораздо дальше. Он решил дедуцировать характер конкретной системы, которая возникла бы, если бы ее элементы и в самом деле были такими, как они были определены. И, делая это, он оказался втянут в эмпирическую проблему, с которой мы еще не сталкивались, поскольку до сих пор наше обсуждение ограничивалось лишь определением элементов и фиксацией их чисто логических связей в утилитарной мысли. Это была проблема *порядка*. Эта проблема, в том виде, в каком ее поставил Гоббс, составляет самое фундаментальное эмпирическое затруднение утилитарной мысли¹. Она даст основную нить историческому обсуждению утилитарной мысли и того, к чему она в итоге пришла.

Прежде чем взяться за его опыт работы с порядком, следует развести два значения этого термина, которые легко спутать друг с другом. Можно обозначить их, соответственно, как нормативный порядок и фактический порядок. Противоположностью последнего будет случайность, или шанс, в строгом смысле соответствия явлений статистическим законам вероятности. Следовательно, фактический порядок означает, по сути своей, доступность пониманию в терминах логической теории, особенно науки. Случайные вариации, с этой точки зрения, невозможно понять или свести к закону. Шансом, или случайностью, именуется то, что непостижимо, не поддается вразумительному анализу².

Нормативный порядок, в свою очередь, всегда соотносится с данной системой норм или нормативных элементов, будь то цели, правила или иные нормы. Порядок в этом смысле означает, что процесс происходит в соответствии с путями, заложенными в нор-

---

¹ Ее основная соперница – проблема эмпирической адекватности рациональности. Для наших аналитических целей проблема порядка стратегически важнее.

² Только на позитивистских основаниях умопостигаемость ограничивают рамками эмпирической науки. Это порождает жесткую дилемму: либо доступное научному пониманию, либо беспорядочный хаос. Следовательно, границы науки для позитивиста являются абсолютными границами человеческого понимания.

мативной системе. В связи с этим следует, однако, отметить еще два момента. Первый состоит в том, что крах любого данного нормативного порядка, т.е. состояние хаоса с нормативной точки зрения вполне может увенчаться порядком в фактическом смысле, т.е. состоянием, доступным научному анализу. Так, «борьба за существование» хаотична с точки зрения христианской этики, но это вовсе не значит, что она не подчинена закону в научном смысле, т.е. единообразиям процесса в явлениях. Во-вторых, несмотря на логически неустранимую возможность того, что любой нормативный порядок может при определенных условиях обрушиться в «хаос», все-таки может быть верно, что нормативные элементы существенны для поддержания того *особого* фактического порядка, который существует, когда процессы в какой-то степени с ними согласуются. Таким образом, социальный порядок – это всегда фактический порядок, поскольку он поддается научному анализу, но, как мы далее будем настаивать, это такой порядок, в котором не может быть стабильности без эффективного функционирования некоторых нормативных элементов.

Как мы уже показали, существенную роль в утилитарной схеме играют два нормативных компонента: цели и рациональность. Так, для Гоббса, исходя из того, что у людей есть страсти и что они стремятся осуществить их рационально, возникает проблема того, возможно ли это – и если да, то при каких условиях – в социальной ситуации, когда имеется множество людей, действующих по отношению друг к другу. Если учесть еще и то, что Гоббс называет «равенством надежд», то проблема порядка в нормативном смысле степени достижимости целей, или удовлетворения страстей, становится решающей. Ведь при допущении рациональности люди будут стремиться достигать своих целей самыми эффективными из доступных средств. Среди их целей эмпирически обнаруживается достижение признания со стороны других. Кроме того, услуги других при социальных условиях всегда и с необходимостью присутствуют у них в числе потенциальных средств для их целей. Чтобы обеспечить то и другое, признание и услугу, будь то в виде конечных или ближайших целей, наиболее непосредственно эффективными средствами являются, в конечном счете, сила и обман. В утилитарном постулате рациональности нет равным счетом ничего, что исключало бы применение этих

средств. Но следствием их неограниченного применения оказывается то, что люди будут «стараться погубить или покорить друг друга». Иначе говоря, согласно строжайшим утилитарным допущениям, при социальных условиях завершенная система действия окажется «состоянием войны», как Гоббс и говорит, и состояние это с нормативной точки зрения достижения человеческих целей – а оно для утилитаризма служит отправной точкой – является вовсе не порядком, а хаосом¹. Это состояние, где всякая ощутимая степень такого достижения становится невозможной, где жизнь человека «одиока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна».

Здесь в нашем обсуждении нас интересует не собственное Гоббсово решение этой ключевой проблемы с помощью идеи общественного договора. Это решение реально содержит в себе расширение – в критической точке – концепции рациональности за пределы, очерченные ей в остальной теории, вплоть до того, что акторы приходят к осознанию ситуации в целом, вместо того чтобы преследовать свои цели в границах своей ближайшей ситуации, а затем предпринимают действие, необходимое для устранения силы и обмана, покупая тем самым безопасность ценой преимуществ, которые они получили бы путем дальнейшего их использования. Это не то решение, в котором заинтересовано настоящее исследование. Однако Гоббс увидел эту проблему с непревзойденной ясностью, и его постановка этой проблемы до сих пор остается в силе. Она настолько фундаментальна, что подлинное ее решение так никогда и не было достигнуто на строго утилитарной основе, и это влекло за собой либо обращение к радикально-позитивистской уловке, либо обрушение всего позитивистского каркаса.

Прежде чем оставить Гоббса, важно чуть подробнее прояснить, почему порядок ненадежен, пока действием действительно управляют утилитарные элементы. Эта ненадежность основана, в конечном счете, на существовании классов вещей, которые редки в соотношении со спросом на них, которых, как говорит Гоббс, «два человека [или больше] желают», но «которыми, однако, они не могут обладать вдвоем». Если вдуматься, то станет видно, что есть

---

¹ Увиденная как фактический порядок, чисто утилитарная система была бы тогда заведомо нестабильным феноменом, неспособным к эмпирическому выживанию.

много таких вещей, желаемых людьми либо в качестве самих целей, либо в качестве средств для других целей. Однако Гоббс с характерной для него пронизательностью понял, что перечислять и каталогизировать их и строить аргумент на таком детальном подходе нет необходимости, а решающее их значение кроется в самом наличии социальных отношений как таковых. Ибо последним присуще, что действия каждого в них являются потенциальными средствами для целей другого, и наоборот. Поэтому прямым коррлярием постулата рациональности является то, что в качестве ближайшей цели все люди должны желать и искать власти друг над другом. Так понятие власти занимает центральное положение в анализе проблемы порядка. Сугубо утилитарное общество хаотично и неустойчиво, поскольку в отсутствие ограничений на применение средств, особенно силы и обмана, оно по самой природе своей должно разрешаться в неограниченную борьбу за власть; а в борьбе за непосредственную цель, власть, всякая перспектива достижения конечной цели, т.е. того, что Гоббс называет разнообразными страстями, безнадежно теряется.

Если приведенный анализ верен, то можно предположить, что ранние эксперименты Гоббса с логическим мышлением на утилитарных основаниях должны были привести этот тип социальной мысли к быстрой и заслуженной гибели. Но на деле все было далеко не так; в XVIII–XIX вв. он стал настолько популярным, что причислялся едва ли не к числу вечных истин. Причем вовсе не потому, что Гоббсова проблема была удовлетворительно решена. Напротив, как часто бывает в истории мысли, она беспечно игнорировалась и прикрывалась неясными допущениями. Как это произошло?

Значимо то, что непосредственное практическое намерение социальной мысли Гоббса кроется в защите политического господства на секулярной основе. Сильное правительство, оправдываемое общественным договором, было необходимым бастионом безопасности содружества (*commonwealth*), которому грозила непосредственная опасность возрождения силы и обмана. Уже отмечалось, что в споре о политическом обязательстве те, кто защищает индивидуальную свободу, обычно прибегают к нормативным аргументам, а не к фактическим. В значительной мере в этом контексте развилось то, что стало позже доминирующим течением

утилитарной мысли, так что Гоббса в итоге практически забыли. В ходе этого развития произошло едва уловимое изменение. То, что было поначалу нормативными аргументами в отношении должного, стало воплощаться в допущениях того, что считали по большей части фактической, научной теорией человеческого действия, как оно есть. Кому-то эта теория представлялась буквально описывающей существующий социальный порядок; другие смотрели на нее более скептически, полагая, что хотя она и не вся истинна, но по крайней мере оправдана в эвристических целях; но, прежде всего, в обоих случаях ее видели как конституирующую рабочие понятийные инструменты великой мыслительной традиции. А стало быть, для наших целей имеет мало значения, которую из двух позиций занимали с тех пор, как эмпирические определения утилитарной теории воплотились в остаточные категории, не игравшие никакой позитивной роли в самой теоретической системе, по крайней мере до появления признаков ее распада.

Локк и классическая экономика

Начать наше обсуждение будет удобнее всего с Локка. Контраст между Локком и Гоббсом поразителен и показателен именно ввиду высокой степени их согласия в основополагающих концептуальных схемах. Локк тоже мыслит в терминах множества дискретных индивидов, каждый из которых преследует свои цели независимо от других. Хотя у него и не утверждается открыто, что цели случайны, как это было у Гоббса, все-таки совершенно понятно, что Локк не имеет никакой ясной концепции о каком-либо позитивном способе связи между ними. Единственное эксплицитное толкование целей у него – толкование естественных прав, которыми люди обладают «от природы», независимо от гражданского общества, и для защиты которых последнее существует. Но все они – жизнь, здоровье, свобода и собственность¹ – должны рассматриваться как универсальные условия достижения индивидуальных целей, а не как сами по себе конечные цели. Это вещи, в

---

¹ *Locke J. Two treatises of civil government / Everyman ed. – London : J.M. Dent & sons ; New York. : E.P. Dutton & co., 1924. – P. 119 (рус. пер.: Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. : пер. с англ. и лат. – Т. 3 / ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. – Москва : Мысль, 1988. – С. 265).*

которых все рациональные люди нуждаются как в условиях или средствах, независимо от характера их конечных целей. В философии Локка, как и у Гоббса, люди в преследовании своих целей рациональны.

Тем не менее есть поразительные различия между позициями этих двух мыслителей. В отличие от Гоббса, Локк настойчиво минимизирует проблему безопасности. Разумеется, одним из мотивов для общественного договора является то, что хотя люди и обладают от природы упомянутыми правами, все же если они в естественном состоянии нарушаются, то людям «не к чему прибегнуть, кроме как к самозащите», тогда как в гражданском обществе люди будут защищены в своих правах правительством. Так вот, здесь есть проблема, хотя весьма неожиданная. Права людей могут и нарушаться, но опасность эта столь невелика, что свержение правительства, когда оно не справляется полностью со своими обязанностями по их защите, в полной мере оправданно. Риск не является, как утверждал бы Гоббс, слишком большим. Таким образом, у Локка правительство, вместо того чтобы быть плотиной, ненадежно сдерживающей яростные потоки силы и обмана, дабы не дать им затопить все общество и разрушить его, становится всего лишь благоразумной мерой страховки от неожиданностей, которые не особенно уж и угрожают, но против которых умные люди будут тем не менее принимать меры. Дело обстоит так настолько, что защищенность от агрессии реально становится подчиненным мотивом участия в гражданском обществе; ее место занимают позитивные взаимные преимущества объединения.

Что лежит в основе этого различия? Обычно его представляют как различие в концепции естественного состояния. Для Локка это не *bellum omnium contra omnes*, а благодатное состояние дел, управляемое Разумом, законом природы. Разум «учит всех людей, которые пожелают с ним считаться, что, поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности дру-

ного»¹. Разум не просто слуга страстей, а главенствующий принцип самой природы.

Но что это означает? По существу, что люди, «будучи разумными», должны и в целом будут при преследовании своих целей подчинять свои действия, какими бы они ни были, некоторым правилам. Главное содержание этих правил состоит в том, что нужно уважать естественные права других, воздерживаться от причинения им вреда. Это значит, что выбор средств при преследовании целей не руководствуется исключительно соображениями ближайшей рациональной эффективности, но что «разум» в этом смысле ограничивается «разумом» в другом. Прежде всего, они не будут пытаться на пути к своей цели покорить или погубить друг друга. Иначе говоря, будут накладываться строгие ограничения на применение силы и обмана и других инструментов власти. И это ограничение на утилитарную рациональность достигается за счет введения третьего нормативного компонента, который не был изначально присущ утилитарной системе, как мы ее определили выше. Именно этот компонент и отвечает за стабильность того особого типа индивидуалистического общества, который описывает нам Локк. Это средство минимизации важности проблемы порядка.

Употребляя термин «разум», Локк, судя по всему, имеет в виду, что эта установка есть нечто такое, к чему люди приходят путем познавательного процесса. В нее входит признание того, что все люди равны и независимы и что у них есть взаимное обязательство признавать права друг друга и тем самым приносить в жертву свои непосредственные интересы. Это меж тем является необходимым условием максимального достижения целей всех в долгосрочной перспективе. Таким образом, в основании этой позиции лежит постулат рационального признания того, что Галеви² удачно назвал естественным тождеством интересов. Благодаря этому средству утилитарная мысль, за редкими исключениями,

---

¹ *Locke J. Two treatises of civil government / Everyman ed. – London : J.M. Dent & sons ; New York. : E.P. Dutton & co., 1924. – P. 119 (рус. пер.: там же. – С. 264–265).*

² См.: *Halévy É. La formation du radicalisme philosophique : en 3 t. – Paris : Félix Alcan, 1901–1904.* Это во многом самое пронизательное из имеющихся описаний тех сторон утилитарной мысли, которые важны для нашего обсуждения. Оно было очень полезным при написании этого исторического очерка.

имела возможность на протяжении двух столетий уходить от Гоббсовой проблемы¹.

Как бы курьезно это не выглядело, но более или менее благодушное постулирование Локком естественного тождества интересов фактически открыло путь очень важному научному развитию, которое, хотя и было по существу утилитарным, никогда не смогло бы реализоваться в виде более последовательной Гоббсовой версии утилитарной теории. И это верно, несмотря на то что многие из поборников этого развития далеко ушли в забвении допущений, от которых зависит эмпирическая применимость их рассуждений, даже от той степени ясности, с которой их создавал Локк. Способ мышления, который был задействован Гоббсом, применявшим его в эмпиристском ключе, эмпирически вел к интенсивной сосредоточенности на проблеме минимума безопасности. Эта сосредоточенность была столь велика, что сама трудность достижения этого минимума затмевала любые возможности получения от социальных связей каких-либо позитивных выгод, кроме самой безопасности. Локк же, отодвинув проблему безопасности в

---

¹ Насколько позиция Локка здесь, в противовес позиции Гоббса, является случаем выдачи желаемого за действительное, в данный момент не имеет для нас значения. Есть смысл, в котором он был фактически ближе к истине. Но в рамках утилитарной схемы не было адекватного способа сформулировать его правильную догадку, что большинство обществ при крушении правительства не будет погружаться в хаос и что, следовательно, должен быть еще какой-то элемент нормативного порядка, помимо страха перед насилием со стороны правительства. В состоянии незрелости науки часто бывает, что мыслитель, подходящий ближе всего к фактической правоте в эмпирических взглядах, оказывается наименее теоретически пронизательным. Железная непоколебимость Гоббса в проработке следствий утилитарных допущений, хотя и привела его к эмпирическим ошибкам вроде преувеличенного страха перед последствиями революции, была более великим научным достижением, чем более «разумная» установка Локка, не умеющая адекватно отличить его имплицитные нормативные допущения от установленного факта. Иначе говоря, Локк был прав, но привел неверные доводы. Надо помнить, что *научное достижение – это вопрос соединения систематического теоретического анализа с эмпирическим наблюдением*. Когда теоретическая система лишь частично адекватна известным фактам, можно достичь более правильного фактического описания, признав теоретические ошибки и нестыковки. Но фактическая правильность – не единственная цель науки; она должна быть соединена с глубочайшим теоретическим *пониманием* узнанных и верно сформулированных фактов.

сторону, получил возможность уделить внимание этим вещам и, что даже важнее, создать структуру мышления, в которой их анализ мог позже выйти на гораздо более тонченные стадии, чем та, до которой дошел сам Локк.

Трактовка Локка, следует напомнить, ограничивается, за исключением лишь «тождества интересов», утилитарной основой. Цели индивидов все еще дискретны и не связаны друг с другом. В гражданском обществе возникает возможность использования любого индивида как средства для целей другого, и при удовлетворительном устранении принуждающей власти это повлечет за собой взаимную выгоду. Есть два логически возможных типа этого взаимно выгодного использования как средств для целей друг друга. Один тип – это сотрудничество в преследовании общей цели, пусть даже ближайшей. Другой – обмен услугами или собственностью. По ряду причин первая возможность заняла в традиции мысли, которую мы рассматриваем, мало места; ее внимание приросло к обмену услугами или собственностью. Вероятно, это прежде всего из-за того, что при сосредоточении внимания на разнообразии целей и на единичном акте само существование общих целей даже на ближайшем уровне кажется относительно редким и неважным. В сущности, эта возможность реализовалась до конца главным образом при переходе к радикально-рационалистическому позитивизму.

Внимание между тем привлекал именно феномен обмена. И если ему придавалось эмпирическое значение, выходящее за рамки просто случайного обладания разными ресурсами, то это естественным образом должно было соединиться с теорией специализации и разделения труда. Феномены специализации, разделения труда и обмена задают эмпирическую отправную точку и фокус внимания классической экономики. Одна из первых серьезных попыток систематического обсуждения этих вопросов обнаруживается у Локка во втором трактате о гражданском правлении, в знаменитой главе о собственности¹. В ней закладываются основы центральной классической доктрины – трудовой теории стоимости – и, что особенно примечательно, показаны ее генетические, хотя

---

¹ *Locke J. Op. cit. – Ch. V (рус. пер.: там же. – С. 276–291).*

и нелогичные, связи с нормативным аспектом локковской теории естественного состояния.

Ибо эта глава была в первую очередь защитой частной собственности, отнесенной, напомним, к естественным правам человека. Но собственность Локк считал защитимой, поскольку в ней воплощен человеческий труд; нечто становится собственностью человека, когда он, по знаменитому выражению, «сочетает его со своим *трудом*»¹. «Естественное состояние» определяло для отношений собственности норму справедливости. Они должны начинаться с «естественного равенства»; иначе говоря, исходные выгоды должны быть уравнены. Этим, конечно, предполагалось нереалистическое допущение, что все люди имеют равный доступ к дарам природы, к которым они могли бы присвоить свой труд. Эта доктрина, говорил Локк, верна только для тех случаев, «когда достаточное количество и того же самого качества <...> остается для общего пользования других»². Но при допущениях Локка один и тот же стандарт определял условия обмена как в случае справедливости, так и для состояния дел, в котором рациональные люди действительно бы его приняли. Ведь не могло быть выгоды в обмене, если человек не получал больше, чем мог произвести в том же русле собственным трудом; в противном случае не было бы никакого стимула вступать в обмен. Все это было бы в силе до тех пор, пока нет принуждения, пока каждый может выбирать, в какие сделки ему вступать, свободно и на основе равенства с партнерами. Тогда не только действительное распределение собственности и условия обмена были бы справедливы, но и фактически блага и услуги обменивались бы соразмерно вложенному в них труду. Эта теорема позже была подхвачена и получила дальнейшее развитие.

Ее разработка и превращение в пригодную экономическую теорию, особенно в том виде, как это осуществили Адам Смит и Рикардо, заключали в себе много тонкостей, которые невозможно здесь рассмотреть. Помимо уже отмеченной возможности неравного доступа к дарам природы, был еще ряд других источников затруднений в ее применении к анализу сложного конкретного

---

¹ *Locke J.* Op. cit. – Ch. V – P. 130 (рус. пер.: там же. – С. 277).

² *Ibid* (рус. пер.: там же).

общества. Одно из них проистекало из использования капитала, протяженности производственного процесса во времени и, следовательно, отсрочки потребления ради большего конечного продукта. Рикардо со всей ясностью видел импликации этого затруднения, но в целом его последствия у классических экономистов смазывались некоторыми особенностями их восприятия роли капитала, в коем они видели «фонд, предназначенный на содержание труда»¹. Другую трудность создает то, что производство по большей части осуществляет не независимый индивид, а организованное подразделение, вследствие чего должен быть поднят вопрос об условиях сотрудничества в его функционировании. Эти вопросы нам незачем дальше здесь обсуждать.

Достаточно будет выделить два момента. Во-первых, то, что для Локка было прежде всего стандартом справедливости, а именно «естественное равенство в обмене», стало ко времени Рикардо прежде всего эвристическим допущением, помогавшим в достаточной мере упростить проблемы, чтобы сделать возможным развертывание работоспособной концептуальной схемы. Рикардо был, вероятно, столь же близок, как и любой в истории социальных наук, к чисто научной точке зрения. Но тем не менее в структуру научного теоретизирования Рикардо были встроены допущения локковской доктрины естественного состояния. То, что Рикардо не защищал никакого стандарта справедливости, не имеет, с нашей точки зрения, значения, пока ему нечем было его заменить в качестве предпосылочной основы экономической теории. Сам он необычайно ясно сознавал научные ограничения трудовой теории стоимости и предвидел большинство видов критики, которым она впоследствии была подвергнута. Но у него не было альтернативы, которую он мог предложить. Пусть она и не была вполне удовлетворительной, но она была по крайней мере первым приближением, и это было гораздо лучше, чем ничего. У Рикардо то, что, возможно, было у Локка этическим ограничением на научное озарение, определенно стало ограничением теоретическим. Его нельзя было преодолеть, пока не получило развитие новое

---

¹ *Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations / ed. by. E. Cannan. – Vol. I. – London : Methuen & co., 1904. – P. 74–75 (рус. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – Москва : Эксмо, 2016. – С. 95).*

теоретическое движение. Что касается экономики, то в ней оно приняло два направления. Одно, к которому был отчасти причастен сам Рикардо, заключало в себе разрыв с допущением естественного тождества интересов. Это мы скоро обсудим. Другое пришло значительно позже и разрабатывалось теми, кто по большей части проигнорировал первое; это было пришествие концепции предельной полезности – в Англии через Джевонса и Маршалла. Оно, хотя все еще согласуется с локковскими допущениями, фактически разрешило те принципиальные теоретические затруднения, с которыми был неспособен справиться Рикардо.

Второй момент, который необходимо подчеркнуть, состоит в том, что концептуальная схема классической экономики была неспособна расцвести в качестве серьезной научной теории и стать больше чем просто умственным упражнением именно потому, что применялась к обществу, в котором базовая проблема порядка считалась решенной. В противном случае не могло быть никакого эмпирического интереса к ее проблемам. Ибо экономические отношения, как их понимает классическая экономика, могут иметь место в значительном масштабе только в рамках порядка, благодаря которому сила и обман по крайней мере удерживаются в границах, а права других в какой-то степени уважаются¹. Но у утилитарной теории, хотя она и действовала на эмпирической основе, не было адекватного способа объяснить этот порядок. Поскольку более адекватной понятийной схемы, чем утилитарная, в то время не было, счастливой ошибкой стало то, что пробел был заполнен тем, что, как теперь очевидно, было несостоятельным «метафизическим» постулатом; последний гласил, что тождество интересов заложено «в природе вещей» и что никогда и ни при каких обстоятельствах не возникало повода усомниться в стабильности такого порядка. В тесной логической зависимости от этой «ошибочной» посылки выросла, пожалуй, самая высокоразвитая теоретическая система в социальных науках с правильными результатами – при некоторых ограничениях. Этот факт может послужить уроком тем, кто склонен к избыточному пуризму в своей научной методологии.

---

¹ См.: *Taylor O.H. Economic theory and certain non-economic elements in social life // Explorations in economics : notes and essays contributed in honor of F.W. Taussig. – New York : McGraw-Hill, 1936. – P. 390.*

Наверное, не всегда благоразумно отбрасывать даже методологически спорные элементы, пока они служат полезной научной функции, если нет ничего лучшего, чем можно было бы их заменить. Дело, разумеется, обстоит так, что сколь бы несостоятелен ни был постулат естественного тождества интересов в иных отношениях, он был способом установить критически важный факт, что в некоторых обществах в значимой степени существует порядок, делающий возможным приближение к тем условиям, которых требуют допущения классической экономической теории.

Из этого обсуждения соотношения гоббсовской и локковской версий утилитарной мысли можно увидеть появление различия, которое окажется чрезвычайно важным для последующего обсуждения. Это различие между двумя классами средств, задействованных в рациональном преследовании целей: средствами, заключающими в себе силу, обман и другие способы принуждения, и средствами, предполагающими рациональное убеждение в выгоде, которая будет получена путем вступления в отношения обмена. Как мы показали, придание сколько-нибудь существенной важности последнему классу зависит от удержания первого в какой-то степени под контролем. Но как только этот контроль задан фактически, последний выходит на передний план. В терминах относительного акцентирования двух классов средств и проблем, которые ими порождаются, можно дифференцировать две основные фазы развития утилитарной мысли: политическую и экономическую. Здесь можно также коротко взглянуть на причины, по которым вопрос о статусе экономической теории принципиально важен для всего круга теоретических вопросов, содержащихся в нашем исследовании. Ведь поскольку базовая схема действия используется для аналитических целей, то факт, что экономическое действие действительно значимо в эмпирическом плане, неизбежно должен поднимать вопрос об адекватности утилитарной версии теории действия, если верно утверждение, что она не может без внешних для нее допущений объяснить элемент порядка в социальных отношениях, необходимый, чтобы сделать это возможным. По сути, главную проблему можно сформулировать так: как возможно, все еще пользуясь общей схемой действия, решить Гоббсову проблему порядка, не прибегая к такой спорной метафизической опоре, как доктрина естественного тождества интересов?

Именно поэтому основной анализ в этом исследовании будет начат с работы выдающегося экономиста и продолжится социологом, для которого вопрос о статусе экономической теории имеет решающее значение. Повторю еще раз: нас прежде всего будет интересовать один из способов ухода от неотъемлемой нестабильности утилитарной системы. Но прежде чем перейти к обсуждению этой главной темы, важно проанализировать некоторые теории, выбравшие другой логически возможный путь – переход к радикально-позитивистской позиции.

Мальтус и нестабильность утилитаризма

Здесь удобно начать с позиции Мальтуса¹. Возможно, совершенно не сознавая, что он делает, Мальтус пробил несколько серьезных брешей в броне «оптимистического» утилитаризма. В полемике, в которую он был втянут, можно ясно разглядеть только что упомянутую радикально-позитивистскую тенденцию, делящую мысль на два возможных радикально-позитивистских направления, в промежутке между которыми застряли экономисты. То, что атака эта не была фатальной, а классическая экономика и ее последователи были все еще сподоблены долгой жизни без изменений в понятийной схеме, не имеет для нас значения. Проблемы были ясно выведены наружу, и этого уже достаточно. То, что они не были решены, а игнорировались и избегались, отчасти и самим Мальтусом, относится не к логике теоретических систем, а к истории немощи человека как *Homo sapiens*.

В сущности, источником затруднения было то, что постулат тождества интересов реально равносителен отрицанию одного из краеугольных камней утилитаризма, случайности целей. Ввиду того, что оба эти принципа обычно были имплицитными, а не экс-

---

¹ Все стороны мысли Мальтуса, важные в данном контексте, лучше всего видны в его «Опыте о законе народонаселения» (рус. пер.: *Мальтус Т.Р.* Опыт о законе народонаселения, или Изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода, с приложением нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла : в 2 т. / перевод П.А. Бибикив. – Санкт-Петербург : Тип. И.И. Глазунова, 1868). Недавно книга была переиздана Королевским экономическим обществом. Лучшее для наших целей вторичное изложение см. в: *Halévy É.* Op. cit.

плицитными, неудивительно, что должно было происходить колебание между двумя позициями. Но тенденция к принятию тождества интересов хорошо соединялась с другим характерным элементом позитивистской системы – пристрастием к рационалистической схеме научной методологии в отношении действия. Когда эта рационалистическая тенденция доводится до логического конца, затруднение, связанное с этим конфликтом, исчезает. Тогда интересы людей и в самом деле идентичны, поскольку они имеют общий набор условий, к которым нужно рационально приспособиться. Так, теория нормативной природы Локка стремится слиться с действительными условиями существования, как они познаются научно. Дифференциация этих двух концепций природы всегда была более или менее нечеткой, и мышление, выстроенное на выдаче желаемого за действительное, будучи рационализировано телеологическим оптимизмом деизма, увидело в действительности реализацию своих желаний¹. Эту тенденцию реализовали в широком масштабе оптимистическая философия Франции XVIII столетия, биология Ламарка, а также социальная мысль Кондорсе.

Но это изменение позиции было связано с едва уловимым смещением акцентов в других отношениях. Этот особый рационализм в текущих спорах по вопросу политического обязательства мог с антиавторитарной стороны легко перейти в некую форму анархизма. Противопоставление человеческих институтов природе, проводимое в ущерб первым, могло привести к борьбе за упразднение всякого контроля. Освободившись в один прекрасный момент от разлагающего влияния дурных институтов, люди самопроизвольно жили бы в согласии с природой, в гармонии, процветании и счастье. Ибо, коль скоро правил бы их разум, разве не были бы их интересы тождественными? Было и еще одно следствие этой точки зрения. В ходе осуществления этих идентичных интересов, многие из которых общи всем людям, разве не было бы рациональной вещью спонтанное сотрудничество? Состязательный индивидуализм экономического порядка, который мыслился как

---

¹ См.: *Henderson L.J.* The fitness of the environment; an inquiry into the biological significance of the properties of matter. – New York : The Macmillan company, 1913. В этой книге можно обнаружить некоторые факты, дающие частичное научное основание для этого оптимизма.

уже едва ли не часть самой природы, начал ставиться под вопрос. Люди видели в нем уже главным образом не преимущества, получаемые от разделения труда, а принуждение, угнетение, несправедливое неравенство. Таким образом, в связи с экономической политикой это движение все больше находило выражение в анархическом социализме (в этом выражении нет ничего противоречивого), который Маркс позже назвал утопическим социализмом. Отчасти, конечно, чтобы ответить на такого рода критику, индивидуалистические экономисты стремились решительнее рационализировать то предпочтение, которое они отдавали состязательному индивидуализму. Конкуренция была не просто результатом преследования людьми независимо друг от друга собственных интересов; у нее была позитивная социальная функция. Это был великий регуляторный механизм, защита от злоупотреблений. Ведь если бы один человек пытался эксплуатировать другого, рыночная конкуренция заставила бы его действовать разумно; в противном случае ему пришлось бы заплатить цену. Ни один человек не мог бы продать втридорога, когда другие были бы в состоянии без потерь для себя осадить его. Но в глубине этого акцента на конкуренции как регуляторном механизме лежат серьезные теоретические проблемы. Может ли он быть оправдан как необходимый, исходя из концептуального арсенала наследия Локка?

Именно в эту интеллектуальную ситуацию и окунулся Мальтус. Анархистско-социалистическая тенденция мысли драматически проявила себя недавно в Англии с выходом в свет «Политической справедливости» Годвина. Мальтус, как и все консервативно настроенные люди во времена Французской революции, был встревожен. Но как следовало ответить на эти аргументы? Им мало что можно было противопоставить, оставаясь в рамках традиционной деистическо-оптимистической мысли, выстроенной вокруг понятия естественного закона. Грань между Локком и анархизмом Годвина была удручающе тонкой.

Ответом Годвину, возникшим в итоге у Мальтуса из собственных размышлений и споров с отцом, стал знаменитый закон народонаселения. К сожалению, обсуждение этой известной доктрины обычно ограничивалось вопросами о том, «прав» ли Мальтус и последователен ли он. Для нас здесь эти вопросы нерелевантны. Заняв ту позицию, которую он занял, Мальтус привнес в

гармоничный рай Локка очень коварного змея. И над всей этой теоретической постройкой нависла угроза обрушения.

Ответ Мальтуса Годвину был следующим. Допустим, заветное желание Годвина сбылось, и все человеческие институты внезапно были упразднены. Допустим далее, что непосредственным результатом этого окажется, как предсказывает м-р Годвин, Утопия человеческого счастья и гармонии, а не Гоббсова борьба за власть. Что произойдет? Это счастливое состояние не сможет длиться, поскольку жители, подчиняясь настояниям природы, будут неизбежно действовать по большей части так, чтобы увеличить население. А поскольку население будет расти, постепенно появится барьер для всеобщего счастья – ограниченность жизненных средств. Ведь запасы продовольствия не могут расти до бесконечности соразмерно сумме труда, затрачиваемого на их производство; это ограничение заложено в природе, понимаемой в весьма немилостивом смысле. Нет оснований думать, что, столкнувшись с перспективой голодной смерти, люди продолжают «разумно» уважать права друг друга и что в условиях голода, когда перед ними встанет альтернатива есть или не есть, их интересы будут тождественными. Отсюда последует борьба за, по меньшей мере, минимум жизненных средств. Эта борьба по мере обострения будет становиться все ожесточеннее и содержать все более радикальные действия. И если не произойдет ничего, что бы ее сдержало, то она не сможет не перерасти в состояние войны, в котором каждый каждому враг. (В каком-то смысле Локк проблему жизненных средств не игнорировал. Удержание плодов трудовой обработки даров природы было справедливым, только «когда достаточное количество и того же качества остается для других». Но в руках Мальтуса эта случайная уточняющая фраза Локка оказывается таящей в себе подлинного змея.) Факт в том, что не может быть «достаточное количество и того же качества оставлено для других». Дары природы будут присваиваться по полной. И это меняет оптимистическую картину до неузнаваемости. Вместо человека, живущего в прекрасной гармонии с природой, мы видим, как жадная природа сыграла с человеком злую шутку, наделив его репродуктивными инстинктами, осуществление которых сеет семена

его собственной гибели¹. Этот же смысл дисгармонии пронизывает и Гоббса. Фактически, Мальтус радикально перепоставил Гоббсову проблему.

Но почему действительно существующее общество не находится в этом ужасном состоянии неограниченной борьбы за пропитание? Благодаря, говорит Мальтус, тем самым институтам, против которых Годвин так упорно возражает, в частности собственности и браку. Это не что-то насажденное капризными и зловредными волями властных лиц и не плоды невежества. Это спонтанное лекарство в данной неприятной ситуации². Существующее положение дел может быть скверным, но оно гораздо лучше, чем могло бы быть без этих институтов. Задолго до того, как в процессе вырождения годвиновской Утопии будет достигнуто конечное состояние хаоса, спонтанно сложатся эти институциональные способы регуляции поведения. Брак необходим, так что каждый будет неспособен убежать от ответственности за свое потомство; собственность – единственное возможное средство, дающее человеку средства для несения этой ответственности. Только в рамках этих институтов имеется адекватная мотивация для «нравственного обуздания», которое Мальтус считал единственной альтернативой неприятным мерам «положительного сдерживания». С анархизмом все было бы хорошо в случае неограниченного райского изобилия; в жестких условиях действительной жизни человек должен быть благодарным за сохранение институциональных ограничений.

Эта же ситуация давала Мальтусу, по-видимому, прочные основания для ревностной веры в состязательный индивидуализм и избавляла его от смущающей тенденции последнего к перерождению в социалистическую кооперацию. Конкуренция не только благотворна, она абсолютно необходима; это *vis medicatrix rei publicae**. Но нельзя не заметить, что этим предполагается в мальтусовской формулировке. Она благотворна не при всех и любых условиях, а *только в надлежащих институциональных рамках*. Без должного контроля над ростом народонаселения благотворная

---

¹ Находимые у Мальтуса попытки теологической рационализации этих фактов здесь нерелевантны.

² Возможно, свидетельство укола совести со стороны природы за вышеназванную злую шутку.

* Врачующая сила республики (лат.). – Прим. пер.

конкуренция выродилась бы в состояние войны. Состояние, которое грозят вызвать предложения м-ра Годвина, далеко не благотворно, хотя и в высокой степени «состязательно». Это вносит в рассмотрение конкуренции новую предельно важную ноту. С ней больше не работают в чисто утилитарных терминах. Как бы ни было спорно у Мальтуса выведение институтов из популяционного давления, он нанес смертельный удар по легкомысленному оптимизму того воззрения, для которого конкуренция при всех и любых условиях – наиболее желанная из всех вещей. Мальтусовская доктрина регуляторной функции институтов – пожалуй, первый важный шаг в развитии утилитарной мысли¹, выводящий ее за пределы простого допущения существования порядка. Это шаг, который не мог принести все свои плоды до тех пор, пока не появилось движение мысли, составляющее главный предмет нашего исследования.

Пер. с англ. В.Г. Николаева*
(Окончание следует)

---

¹ Здесь, несомненно, были предшественники не по прямой линии. Яркий пример – Макиавелли.

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru